

Александр **МЕНЬ**

*Мировая духовная
культура*

❧ лекции ❧

Александр Мень

Мировая духовная культура

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья»

2016

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Мировая духовная культура / А. Мень — «Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Менья», 2016

ISBN 978-5-903612-30-7

В мировом религиозном спектре можно усмотреть и некое существенное единство. Оно определяется самой природой религии, которая опирается на живой опыт веры. Вера же есть, прежде всего, состояние духа, рожденное переживанием реальности Высшего. В ней пробуждается особого рода интуитивное знание, совершается нечто подобное встрече, звучит таинственный призыв. Человек отвечает на этот призыв: религиозные учения с их метафизикой и с их этикой и являются такими ответами. В них не только осмысляется мистическое видение веры, но и делается попытка установить «обратную связь» с той сокровенной Сущностью, которая коснулась человека своим веянием. Книга включает в себя лекции, прочитанные прот. Александром Менем в 1989–1990 г. Текст подготовлен по магнитофонным записям.

УДК 2

ББК 86

ISBN 978-5-903612-30-7

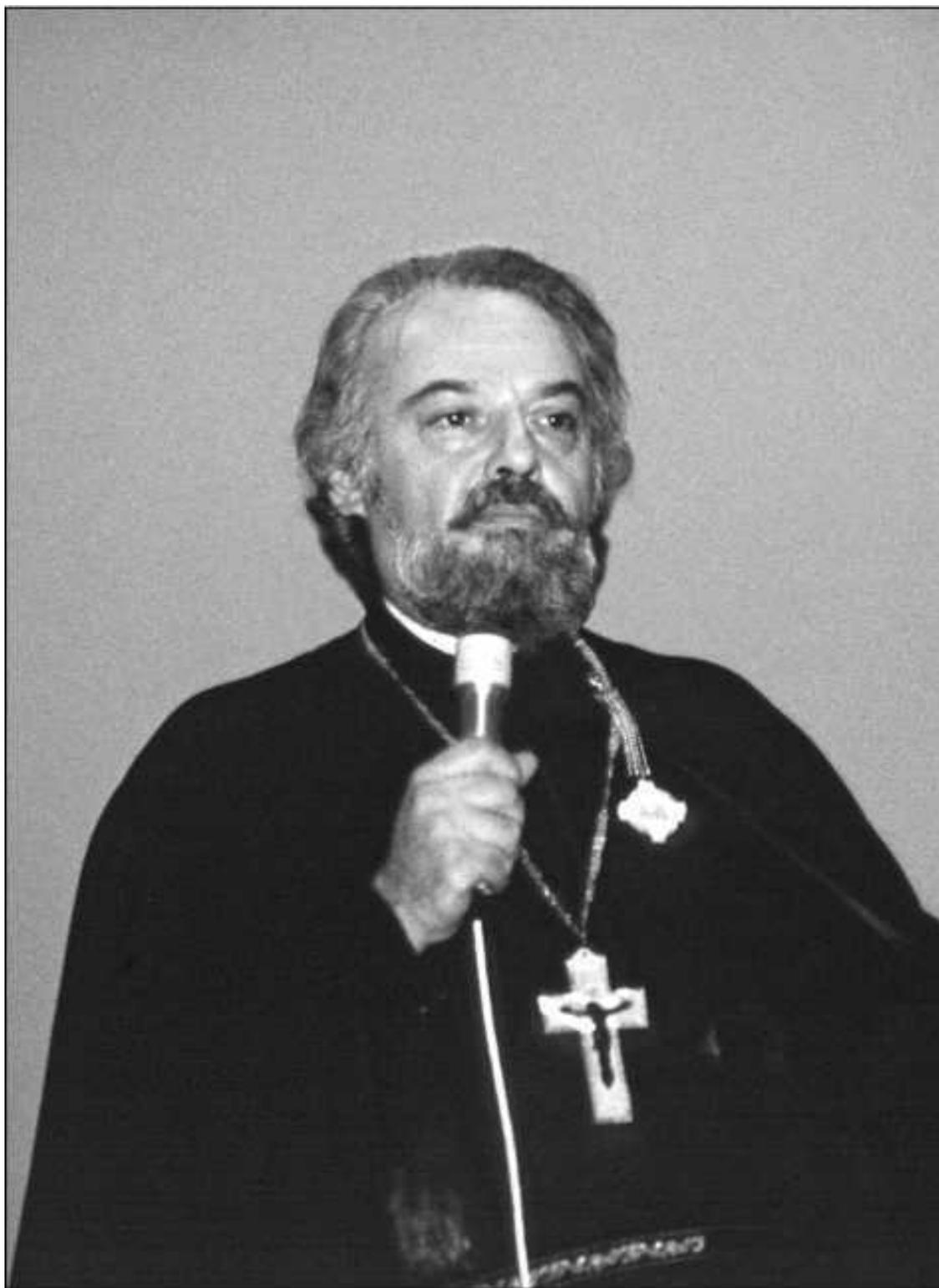
© Мень А., 2016

© Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Менья, 2016

Содержание

Истоки мировой духовной культуры	7
Духовные искания Азии	19
Духовная революция на Востоке. Китай	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Протоиерей Александр Мень Мировая духовная культура

Выступление протоиерея Александра Менья 19.11.1988 Лекция

Редакционная коллегия:

Роза Адамьяну, Наталия Вторушина Наталия Григоренко, Павел Мень

Истоки мировой духовной культуры

Несколько лет назад мне пришлось путешествовать по Средней Азии и перебираться на пароме через Амударью. Паром шел медленно. Голые, поросшие редким кустарником плоские берега, зеленая темная вода. Пока двигался паром, я думал о том, что подобным этой реке был древний Евфрат и вообще все древние реки, на берегах которых начинались цивилизации. И тогда же я вспомнил, что недалеко от этого места, от Амударьи, немного дальше к востоку, произошло интересное событие, связанное с духовными истоками человеческого рода.

Еще до войны, когда многие из вас еще не родились, а я был ребенком, там, в Средней Азии, по ущельям двигалась небольшая экспедиция, которой руководил известный археолог Алексей Окладников. Она направлялась в труднодоступное ущелье, расположенное между двумя великими реками. Уже давно ходили слухи, что в этом ущелье люди находили удивительные кости, там встречались странные камни, будто бы оббитые чьей-то рукой. И Окладников, обладавший чутьем бывалого полевого археолога, организовал туда летом 1938 г. небольшую экспедицию. Археологи лезли по скалам там, где могли пробираться только горные козлы, и в конце концов добрались до пещеры. Это место называлось Тешик-Таш, по-русски просто «пещера». И когда Окладников со своими помощниками туда добрался, он нашел на почти ровном полу останки человека. Он сразу понял, что это ребенок, в крайнем случае, подросток. Особенно заинтересовало археолога, что сохранился почти весь череп. Окладников собрал и склеил в единое целое сто пятьдесят кусков окаменелого черепа: череп сохранился почти целиком.

Это был череп мальчика совершенно иной расы, нежели человек разумный, *homo sapiens*. И когда очередь дошла до челюсти и надбровных дуг, Окладников определил его как неандертальца, *homo neanderthalensis*, или *homo primigenius*, как иногда его называют. В системе биологической номенклатуры он считался *homo* только по своему роду; его считали предшественником, а некоторые – предком человека.

Вопрос о том, в какой степени родства мы находимся по отношению к неандертальцам, до сих пор бурно дебатруется. Эти люди, или человекообразные существа, жили на огромном пространстве от Северной Европы до восточных берегов Китая, от Африки до Средней Азии. Примерно 40 тысяч лет назад они повсеместно исчезают, их кости больше не встречаются; на смену им приходим мы, род *homo sapiens*, человек разумный. И когда Окладников разобрал, а потом собирал этот скелет, он увидел, что ребенок был похоронен, а не просто брошен; мало того, этот ребенок восьми-девяти лет в своей импровизированной могилке был огражден рогами дикого горного козла. А, между прочим, в Средней Азии, в тех местах и до наших дней, до XX в., сохранился культ горного козла. Окладников сопоставил эту находку с другими, имевшими место в Западной Европе. Несколько раз обнаруживали черепа примитивных людей типа неандертальцев, окруженные камнями одинаковой формы и размера: голова лежала, как солнце, окруженное лучами. Эти скудные, но, на самом деле, впечатляющие признаки указывают на то, что еще до того как человек стал полноценным, стал человеком в полном смысле этого слова, тем единственным видом, который живет сейчас на земле, в нем уже теплились какие-то религиозные представления.

Южноскандинавские наскальные культовые изображения эпохи бронзы

Ученые спорят о том, в какой степени можно относить неандертальца к человеческим существам, но едва ли кто-нибудь из них может доказать свою точку зрения и обосновать ее, потому что мы не можем проникнуть в сознание этого человека, или человеческого существа, или недочеловеческого существа. Все-таки это, скорее всего, другой вид, несомненно низший. В его культуре мы уже находим примитивные каменные орудия, огонь, который поддерживался довольно долго, но не находим искусства, которое является важнейшим спутником всей человеческой истории. А искусство древних людей всегда было связано с духовным, религиозным началом.

Очень многое в современном человеческом обществе теснейшим образом связано с началами человеческого бытия в истории. Проблемы социальные, семейные, сексуальные, культурные, художественные, традиционные, проблемы, связанные с владением территорией, с ксенофобией, – все это уходит своими корнями в жизнь древнего человека, обитавшего на земле за несколько десятков тысяч лет до нас. В нашем подсознании до сих пор живут какие-то мотивы, какие-то звуки, какое-то эхо, отзывающееся из тех времен. Но человек XIX века, гордый, я бы сказал, упоенный своей цивилизацией, считал, что мир развивался только прямолинейно, что первобытный человек был человеком низшим во всех отношениях, был человеком диким.

Подобную мысль мы впервые встречаем у римского поэта Лукреция Кара, который рассматривал историю человечества как восхождение вверх: от темноты, варварства, невежества и дикости к цивилизации. Правда, Лукреций Кар считал, что потом все развалится и деградирует, но это уже другой вопрос. В XIX в. думали, что никакой деградации не будет. Позаимствовав из христианства идею Царства Божия как цели человеческого бытия, как цели истории, многие мыслители XIX в. и вообще образованные слои общества почему-то уверовали в то, что мир летит ввысь, подобно ракете, и ничто не может остановить его прогрессивного движения. Слово «прогресс» стало чем-то вроде священного термина. Когда говорили «прогрессивный», это автоматически означало «хороший». И казалось, что каждое завоевание человека, каждый шаг его на пути усложнения техники или новых открытий в сфере науки содействуют прогрессу, а позади только мрак, мрак темного Средневековья. Конечно, был небольшой просвет – в античности, а потом мрак Востока и, наконец, долгий мрак первобытной жизни.

Эту мысль надо было, конечно, чем-то подтвердить, и подтверждения стали искать со времен великих географических открытий, когда европейцы впервые двинулись через океан, когда они открыли Америку, когда они впервые по-настоящему познакомились с чернокожими обитателями Африки, жителями Китая и вообще неведомых дотоле стран. Но тогда же, столкнувшись с людьми, стоящими на низшей стадии материальной цивилизации, многие решили, что это и есть тот самый дикий, древний первобытный человек, и были уверены, что эти новооткрытые люди – существа, мало чем отличающиеся от животных.

В конце XIX в. последователь Дарвина эволюционист Эрнст Геккель говорил, что у дикарей больше общего с высокоразвитыми животными, такими, как обезьяны и собаки, чем с развитым европейским человеком. Когда Дарвин в молодости попал на Огненную Землю, он так

описывал огнеземельцев: дикие люди, глаза вылезают из орбит, на лице тупое выражение, на губах пена, – нет ничего человеческого. И это мнение очень быстро укоренилось и в науке вообще, и, в частности, в зарождавшейся тогда антропологии. Возникла мысль, что у человека все светлое только впереди и чем скорее он освободится от того, что было в прошлом, тем для него лучше. А поскольку все хорошо знали, что у первобытных людей есть какая-то религия, вера, то эту веру торопились принизить, изобразить как просто грубое суеверие, как некое варварство; в общем, хотели показать, что начала религии коренятся во тьме невежества, в страхе человека перед силами природы, в бессилии, ограниченности, иными словами – в чем-то таком, что прогресс может и должен преодолеть.

Такова была идеология XVIII и XIX веков. Наверное, многие из вас слышали имена знаменитых в свое время (около 100 лет назад) ученых, таких, как Эдуард Тейлор (он был одним из крупнейших специалистов по мифологии и первобытным религиям) и Джеймс Джордж Фрэнгер, книги которого, например, «Золотая ветвь», недавно у нас переизданы. Не общаясь с людьми первобытного уровня, с так называемыми дикарями, получая материалы из третьих рук, они создавали свои конструкции о дикости, темноте, наивности и примитивности человека, стоящего на низком материальном уровне развития цивилизации. Но потом многие из западных ученых вынуждены были отказаться от такого взгляда. Миклухо-Маклай был одним из первых, кто, пусть и ненадолго, вошел в мир этих людей. И что ему открылось? Что это такие же люди, с такими же переживаниями, страстями, грехами, ошибками, с умением думать логически, ясно. Миклухо-Маклай писал: «В их верования, в их задушевную жизнь я старался не проникать». Он был человеком очень тактичным; и вообще он считал, что столь малого времени, какое он прожил на гвинейском побережье, недостаточно, чтобы понять душу первобытного человека.

Южноскандинавские наскальные культовые изображения эпохи бронзы

Но за Миклухо-Маклаем и другими пионерами-исследователями шли целые армии новых исследователей таинственных обитателей лесов, саванн и прерий. Что же им открылось? Оказалось, что в джунглях Амазонки или в полупустынях Австралии живут люди высокой древней культуры. Она иная, не похожая на нашу. Австралийцы, например, обладают сложной системой взаимоотношений, обрядов; у них огромное количество легенд, сказаний, мифов. Австралийцы определенным образом представляют себе человека, природу и высшее Начало и на основании этих представлений строят общественные отношения, культуру. Стало выясняться, что примитивный человек примитивен только в одном – в технике, цивилизации, а душевно он отнюдь не примитивен.

Один из исследователей говорил: если вы видите так называемого дикаря, который сидит под деревом, неподвижно уставившись в одну точку, не торопитесь думать, что он сидит просто без цели, – этим людям свойственна глубокая внутренняя жизнь. Один из путешественников,

долго живший в самом сердце Африки, в дремучих лесах Конго, где до сих пор сохранились древнейшие животные, которые во всем мире уже вымерли, встретившись с пигмеями, отметил, что эти люди обладают душевностью, остроумием, умом и у них есть целый ряд высочайших религиозных представлений. Нравственный уровень этих дикарей оказался не только не ниже европейского, а намного выше. Это не значит, что примитивный человек непременно добродетелен, тут нет прямой связи. Но низкая цивилизация, первобытный образ жизни не мешают развитию очень тонкой душевной структуры.

В конце концов многие ученые стали приходить к выводу о важности духовного элемента, лежащего в основе этих культур, которые донесли до нас абрис, хотя и неточный, того, как жили наши предки многие тысячелетия тому назад. И если этот абрис хотя бы частично верен, мы должны признать: да, высшее, духовное, священное, религиозное, нравственное было основополагающим в их жизни.

Здесь мы подходим к очень важной вещи. Возьмем, к примеру, причудливый индийский храм, индуистский или буддийский, ступу или мусульманскую мечеть с ее строгими формами, собор ев. Петра, храмы Христа

Спасителя, Покрова на Нерли, египетские пирамиды, проект Дворца Советов, словом, любое произведение архитектуры или живописи, церковное или светское: каждое из этих сооружений есть внешнее воплощение того видения, которое есть у людей, того, как они интуитивно осознают сущность бытия, воплощение их веры в широком смысле слова. И если египтянин ощущал жизнь духа как вечность, то и произведения египетского искусства были воплощением вечности. Если древний грек чувствовал, что здесь, рядом с ним, в его небольшом укромном мирке обитают какие-то живые силы мироздания, он изображал их так по-человечески, так близко, что нимфы, сатиры и боги выглядели его братьями и сестрами.

Храм Христа Спасителя

Когда мы говорим о началах любой культуры, мы должны прежде всего задать себе вопрос не о том, какие материальные формы ее куют, а о том, какой дух лежит в ее основе. И пробегая мысленным взором историю цивилизации, мы всегда можем точно определить, какой дух стоит за культурой. Более того, мы знаем, что когда в духовной сфере у человека начинается дестабилизация, разброд, кризис, то дестабилизация охватывает всю культуру. Вот поэтому мы с вами сегодня хотим заглянуть в историю духовности, в прошлое цивилизации нашей страны и всего мира не из праздного любопытства («а как это было раньше?»), а для того чтобы понять глубинную и нерасторжимую связь культуры и веры, ту связь, которая была забыта, отброшена, которая сознательно отрицалась. Жизнь, практика подтвердили старую истину: когда подрываются корни, засыхает и дерево, и для оживления корней необходимо

понять: в чем они нуждаются? Они нуждаются в живительной влаге и почве. Почва – это жизнь, земное бытие; живительная влага – это дух, который ее питает. Вот почему так важно для нас сегодня задуматься над тем, откуда и к чему идет человек.

Разумеется, в учебниках, которые вам приходилось читать, вы часто встречали мысль, что первобытный человек был атеистом, или, как нас учили, стихийным материалистом. Довольно трудно принять эту точку зрения уже хотя бы потому, что если от язычника может остаться идол, от фетишиста – фетиш, от христианина – крест или еще какой-нибудь священный знак, то какой материальный знак может оставить после себя стихийный материализм первобытного человека? Это что-то вроде того беспроволочного телеграфа, который, как рассказывается в одной истории, был у древних людей: беспроволочный, потому что в земле не нашли проволоки.

Многочисленные факты полностью опровергают эту точку зрения. Я начал с того, что уже предшественник человека, неандерталец, имел какое-то смутное (не будем пытаться его точно определить) ощущение, что есть какое-то иное бытие. А как только человек становится человеком, он сразу же обретает связь с Вечным, то есть у него появляется религия. Фактически искусство, религия и человек – ровесники. Правда, в некоторых учебниках я встречал такое утверждение, что человек много миллионов лет существовал без религии. У нас был один историк, который даже написал на эту тему несколько книг, одна из которых так и называлась – «Дорелигиозная эпоха». Но он рассматривал в основном австралопитеков и питекантропов, которых вообще нельзя считать людьми в настоящем смысле слова. Биологически они, может быть, и принадлежали к роду *homo*, но этого недостаточно, чтобы быть человеком.

Какое же движение мы можем здесь увидеть? Человек всегда стоял на какой-то духовной платформе. А есть ли развитие? Нет. И вот доказательство. В пещерах Испании найдены рисунки красками: первобытный художник эпохи палеолита нарисовал на стенах стоящих и бегущих бизонов, мамонтов, носорогов. Смелые линии, замечательные краски, дух зверя. Не всякий современный мастер сумеет передать образ животного так лаконично, так вдохновенно, так прекрасно.

Тогда спрашивается: развивалось ли искусство? Нет. Прекрасное в истории человеческой культуры всегда было прекрасным. Да, оно имело историю, то есть были различные фазы, различные типы искусства, духовности, но развития в том смысле, что искусство сначала было примитивным, а потом поднималось все выше и выше, не было. Если вы вспомните классические скульптуры Древней Греции (они воспроизведены в любом школьном учебнике), не надо думать, что вот они достигли какой-то высоты, а предшествующее искусство было низким. Любой современный художник или искусствовед скажет вам, что в архаическом греческом искусстве была своя особенная красота.

В конце XIX в. писатель и историк искусства Петр Гнедич в своей огромной трехтомной «Истории искусств с древнейших времен» посвятил древнерусской иконописи две страницы, заметив, что древние просто не умели рисовать и поэтому они так писали свои иконы, а потом узнали анатомию и стали писать правильно. Сегодня мы знаем, что это наивный взгляд. Переход к реалистическому искусству вовсе не был прогрессом; это лишь одна из фаз истории. История – это судьба человеческого творчества. В духовном мире, безусловно, есть восхождение, но оно совершается по совсем иным законам, и об этом мы с вами будем говорить в процессе анализа духовной жизни человечества.

Но к этому надо добавить следующее: мы привыкли рассматривать материальные явления и процессы как подлинную реальность, дескать, это и есть реализм. Но откуда мы узнаем о материальной реальности? Из опыта своих чувств. Но ведь те же чувства, которые есть у нас, есть и у шимпанзе, и у собаки. Однако у человека иное восприятие; есть нечто, что понимает нас над животным миром. Человек – существо духовное, существо, способное иметь иной опыт, нежели опыт чувственный. Этот духовный дар, полученный человеком, является

самым драгоценным и самым священным. Это дар бессмертный. И он требует к себе особенного отношения, потому что он в человека посеян, подобно семени, и из этого семени что-то должно вырасти.

Я говорил о примитивных формах пред-человеческих существ. Дело в том, что мы ведь родственники не только им, мы кровные родственники любому живому существу на земле, мы связаны со всеми существами. Как устроена клетка человека? Так же, как клетка любого растения, любого животного. Поэтому мы неотделимы от окружающего нас мира, нас нельзя выкинуть из этого мира – нас всех связывают воздух, пища, вода, гравитация. Я недавно был в Звездном городке, беседовал с космонавтами, и они показывали мне скафандр, в котором выходят в космос. Это совершенно автономное образование, как и космический корабль. Но почему? Потому что человек всеми своими узлами привязан к окружающему миру. Человек есть земля. Библия говорит о нем: ты, человек, есть земля и в землю отыдеши. Плоть человека создана по слову Божию из праха земного, то есть из пыли, из самой материи, из вещества, и мы несем этот прах в себе и возвращаемся в него.

Но человек не только прах. Он родственен и другому измерению бытия, которое нельзя увидеть, и это очень важный момент.

Давайте начнем с простого. Те, кто хочет ограничить мир видимым, оказываются в странном положении наблюдателя, который, заманив в рентгеновский кабинет, скажем, великого художника или великого мыслителя, говорит: да ничего в нем такого нет, посмотрите – позвоночник виден, череп виден, сердце бьется. Где же его гениальность, где его мысль, где его чувства? Да, все видно насквозь, но не видно главного, и не может быть увидено в принципе. Дело не в том, что это какое-то физическое поле (у нас любят злоупотреблять этим термином), которое якобы не улавливают наши приборы. Нет. Надо просто признать, что так устроена реальность: у нее два аспекта – видимый и невидимый. Поэтому в первом же члене нашего христианского Символа веры сказано о Творце всего видимого и невидимого, то есть двух аспектов бытия. На этом все стоит.

Эти два аспекта связаны между собой очень своеобразно, парадоксально; между ними существует обратная связь. То есть, скажем, тяжелое состояние организма может подавлять психику, а она влияет на состояние духа; и, напротив, дух может совершать необычайные вещи. Наверное, многие из вас слышали о хождении по огню, о произвольном управлении своими органами, которого достигают йоги. Я думаю, что умножать примеры здесь не надо. Когда видишь вещи, связанные с гипнозом (а ведь гипноз тоже загадка, потому что слово само по себе ничего не объясняет, и на самом деле это остается загадкой и для пациента, и для гипнотизера), то понимаешь, на что способна эта невидимая часть человека – его дух, какие в нем заложены огромные силы и возможности.

Человек – образ и подобие природы. Клетки цветка, как я уже говорил, такие же, как наши: у них такая же структура, там есть ядро, протоплазма. Но чьим образом и подобием является духовное измерение человека?

Для нас, христиан, как и для всех верующих людей на земле, которых всегда было и остается большинство, человек в своем духовном измерении является образом и подобием Творца. И в этом трагичность, парадоксальность, величие и счастье человека. Известный биолог и медик нашего времени Алексис Карель так и назвал свою книгу: «Человек – это неизвестность». В самом деле, еще Альфред Расселл Уоллес, одновременно с Дарвином создавший теорию естественного отбора, задавался вопросом: ну хорошо, человеку нужны определенные свойства для того, чтобы он выжил, скажем, чтобы у него была более благоприятная семейная ситуация, где побеждает сильнейший. А для чего ему нужна потребность в отвлеченном мышлении, для чего ему нужен поиск смысла жизни, бескорыстный поиск истины, почему в человеке главное оказывается сверхприродным? И Уоллес отвечал: причина здесь может быть только одна – эти свойства коренятся в ином, сверхприродном начале, эти свойства особен-

ные. Забвение этого факта, пренебрежение им очень тяжело сказывается на человеческом роде. Периоды скептицизма и бездуховности всегда были опасны.

Я хочу закончить важнейшей для нас проблемой истоков духовности, проблемой, которая сегодня вопиет, – я имею в виду проблему нравственности. Вы, наверное, читали книгу Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей», но я напомним: разговаривают главный герой и молодая следовательница. Когда он спрашивает: почему у вас такие методы, почему вы так относитесь к людям? – она ему отвечает: да чему вас там учили на факультете?

Законность, право, гуманность – это все факультет ненужных вещей. Эта молодая, уверенная в себе женщина повторяла чужие слова, повторяла слова, которые были свойственны целому поколению: ненужные все это вещи. А потом оказывается, что они – самые-самые нужные, потому что без них человек гибнет. Недавно я прочел, что Генрих Ягода перед смертью сказал: «Я столько людей уничтожил и мучил, теперь и на меня нашлась управа. Значит, Бог есть».

Очень жаль, что мы приходим к этим мыслям лишь в критических ситуациях, но лучше поздно, чем никогда. Вопрос заключается в следующем: существует ли нравственный миропорядок, является ли добро чем-то объективным или это нечто выдуманное людьми, некая условная категория? Если это условная категория, то тогда ее очень легко отбросить и каждому установить свои собственные критерии, исходить из модели эгоцентрика: добро есть то, что нравится мне; зло есть то, что мне не нравится. Как в известной истории про миссионера, который пытался втолковать язычнику, что такое добро и зло, а потом спросил его: «Вот если у тебя украли корову, это зло? – Да, это зло. – Ну, а если ты украд корову? – Тогда это добро». Мы все стоим на этой позиции, потому что эгоцентризм свойственен человеку. Вы скажете: откуда же он? Почему человек эгоцентричен? Во-первых, мы все родом из детства. Человек в детстве все время получает, все время потребляет: его кормят, поят, баюкают, одевают, и потом он думает, что так должно быть всегда. Это одна из причин. Есть вторая причина, эту причину мы называем первородным грехом человечества. Когда-то Жан Жак Руссо говорил, что Бог создал человека прекрасным, но его испортила цивилизация, его испортили внешние условия. И мы всегда склонны немножко этому верить. Лев Толстой носил на груди вместо креста портрет Жана Жака Руссо. Он до конца своих дней верил в то, что человек от природы добр.

Собор в Реймсе. Западный фасад

Но, положа руку на сердце, так ли это? Евгений Евтушенко, человек во многом благородный, который в трудные годы выступал смело, в одном из стихотворений написал: «Я верю в человека». И там же он разносит всех тиранов, диктаторов, Салазара, Берию. Но ведь они тоже были людьми. В кого же надо верить? Почему мы должны верить в хорошее, а не в плохое?

Я могу понять угрызения совести у Ивана Грозного. Он был человеком, воспитанным в христианских понятиях, и знал, что проливать кровь невинного – грех; он ее проливал, потом каялся, опять проливал, но у него были некие терзания. А какие терзания могли быть, скажем, у Сталина? Он считал, что люди – это просто быдло, так сказать, кратковременные существа, которых убить ничего не стоит. Греха нет, зла как такового нет. Для него, как для того дикаря, злом было только то, что мешало ему устанавливать свою абсолютную власть над людьми, а все остальное было глупостью, никаких преград не существовало.

Добро и зло – категории объективные, и следовать принципам добра есть воля и заповедь Творца. И именно потому что это заповедь, мы чувствуем, что это не так легко дается. Нам же не дана заповедь, скажем, ходить на двух ногах – для нас это естественно. А когда Евангелие говорит о том, что мы должны прощать, – это уже заповедь, это значит, что надо бороться, преодолевать себя, потому что для человека это не так естественно.

Но если заповеди даются свыше, то почему же человек их нарушает? Человек нарушил заповедь изначально. Я думаю, вы все помните историю первых людей, которая описана в Библии. Над этой историей достаточно посмеялись, достаточно поглумились, достаточно порисовали карикатур, но забыли главное – о чем в свое время прекрасно говорил протопоп Аввакум: «То, что было тогда, делается и теперь». Он рассказывал в одной из своих проповедей об Адаме и Еве и потом перенес эту драму на современные ему события.

Библия образно, иконописно говорит нам о вечном. Человек стоит перед Богом, и ему открывается все, перед ним распахнуты огромные горизонты, ему дана природа, чтобы он мог (как говорится в Библии) «возделывать и хранить ее». Это означает труд и понимание природы как какого-то братского начала: ведь человек создан из той же земли, что и зверь, звери – его братья и сестры, он их господин, но не тиран, он дает им имена. И есть только одно древо в центре рая, в центре Эдема, которое запрещено для человека, – это древо познания добра и зла. Бог сказал человеку: «Ты умрешь, если вкусишь от него». Конечно, нас может удивить, почему же человек не должен знать добра и зла, ведь как раз в этом и заключается нравственность. Но дело в том, что такое прочтение поверхностно. Библию надо читать очень внимательно, сравнивая различные места. Добро и зло в этом контексте не означают нравственных понятий, это полюса жизни: худое и доброе, полезное и вредное, как у китайцев *инь* и *як*; это идиоматическое выражение *тов ва-ра́* (евр.) – добро и зло, обозначающее *все на свете*.

А познание? Ветхий Завет (впрочем, как и Новый) не знает идеи познания в том отвлеченном смысле, в котором его понимает античная мысль. Для античной мысли «познать» значит сделать прозрачным для интеллекта; для библейского мышления «познать» значит овладеть, слиться, ощутить всеми фибрами души. «И познал Адам Еву, жену свою», – этот глагол употребляется для обозначения интимного соединения мужчины и женщины.

Поэтому древо познания добра и зла – это всемирный символ природы, бытия, над которым человек не должен был захватывать власть – власть недуховную, насильническую, при которой торжествовало бы его самоутверждение. Поэтому здесь и наложено табу.

И разыгрывается вечная драма. Подходит Ева к этому дереву, и змей, олицетворяющий все низменное и коварное, спрашивает ее: «Что же, Бог вам запретил вкушать от всех деревьев? (Это такая провокация). – Она отвечает: нет, все наше, кроме вот этого дерева. – А почему вам запрещено есть от этого дерева? – Потому что Бог сказал, что мы умрем, если мы от него вкусим. – Не умрете, – говорит змей, – не умрете, но будете как боги, знающие добро и зло, владеющие добром и злом» (то есть вы станете соперниками Бога, будете как боги, а вовсе не умрете). И этого было достаточно, чтобы наша прамактерь Ева взяла этот плод, посмотрела на него, и он показался ей вождленным, и она вкусила, а затем – Адам. «Будете как боги, ведающие добро и зло».

Эта попытка человека самоутвердиться, противопоставить свою волю космической, Божественной воле, создать свои нормы, в том числе и нравственные, приписать себе право

распоряжаться и природой, и нравственностью лежит в глубине всеобщего грехопадения человечества. Вот почему был не прав Руссо, говоривший, что человек по природе добр. В человеке противостоят добро и зло, и, как говорил Федор Достоевский, дьявол с Богом борется в сердцах людей. Если не сбрасывать со счетов эти важные моменты, мы поймем всю сложность и величие человеческой истории. Мы идем по пути преодоления, мы вовсе не наивные дикари, которых испортила цивилизация. Человек враждует и с самим собой, человек должен подняться над собой.

История человечества – путь не развития, а борьбы, с победами и поражениями, – во имя того божественного, что в нас посеяно. Чем ближе мы к своему первообразу, тем ближе к осуществлению нашей задачи. Подумайте о том, что в нас это живет. Не Бог, конечно, живет в нас; было бы дерзновенно и метафизически бессмысленно это утверждать. Мы – ограниченные, «условные» существа, но мы отображаем в себе вечность, «безусловность». И это надо почувствовать, внутренне пережить, ибо здесь – источник духовного роста, который влияет на наше отношение к людям, братьям и сестрам, влияет на процесс нашего труда, на то, что мы творим в жизни. Ведь человек – единственное из всех земных созданий, кто творит, он единственный творец. Мы творим, подражая Богу.

Таким образом, корень духовного становления человека – устремленность в Небо, устремленность к вечному, и это касается не только великих творцов, не только эпохи великих творческих взлетов, но и повседневной жизни каждого из нас. Бессмертное не далеко, оно в нас. Оно нам присуще гораздо больше, чем многое другое. И наше счастье, наша внутренняя гармония заключается в том, чтобы раскрыть его в себе. Человек потерял Бога в тот момент, когда он захотел противопоставить Его воле свою. Это было в истории человечества не раз, это продолжается и сегодня. «Вы будете как боги, владеющие добром и злом...» – слова эти повторялись в веках. Но что произошло с Адамом, когда он посягнул на запретный плод? Он увидел, что он наг – вот и вся его божественность.

И в таком же положении сегодня мы, люди XX века. XIX век был полон надежд на то, что XX век действительно станет эрой богов. «Люди как боги» – назвал Уэллс одну из своих утопических книг. Человек-победитель овладевает громом и молнией, он поднимается в космос и спускается на дно океана, погружается в глубины материи, он будет познавать добро и зло – «будете как боги», – и в конце концов на исходе столетия мы видим, что мы наги, что все это нам не помогло. Наука – вещь прекрасная сама по себе, но она не способна сделать человечество счастливым, потому что наука – только одна из сторон нашего бытия, а человеческое ядро – это то, что связано с вечным. И первобытный человек, который чувствовал биение космического пульса, тайну бытия, и человек Древнего Востока, Древней Греции, Древнего Рима, и средневековый человек – во все времена – был тем более прекрасен, чем больше он приближался к этому.

В центре человеческих исканий, как на перекрестке всего бытия, стоит Крест. Почему? Что должно было произойти?

Вечность нам недоступна. Я часто вспоминаю книгу пророка Исая. Бог через пророка говорит страшные слова: «Как небо далеко от земли, так Мои мысли далеки от ваших мыслей. Я Бог, а не человек (по-еврейски *Ани Элохим, ве-ло адам*)». Бог, Творец – это не человек. Он безмерно превосходит все то, что человек может помыслить. И только самомнение и ограниченность мысли могут позволить нам вообразить, что «Тот, Кто создал мирозданье самовластием всемогущим и с небес жизнь даровал всем тварям сущим, мир живой нам, людям, отдал многообразно цветущим» (как говорил Шота Руставели), – это человек. Нет, Ему нет названия. Кроме того, что Он открывает о Себе, человек ничего постичь не может. И поэтому, чтобы вступить с нами, несущими в себе искорку Божества – отражение Его, – в контакт, Он должен был умалиться. «Но Себя умалил, приняв образ служителя, раба», – вот как сказано о Боге, Который явился нам во Христе.

Явление Христа – это не явление новой морали, или новой доктрины, или новой философии, а это есть откровение Вечности в той полноте, которая только и доступна нам. Поэтому история мировоззрений, которую мы с вами проследим на протяжении наших дальнейших встреч, есть путь от Адама, то есть от того пункта, где человек расходится с Богом, – ко Христу. А от Христа два пути: или за Ним, или от Него. Вот в этом и заключается главная сущность мировой истории. Церковь, созданная Иисусом Христом, повторяет нам Его слова: «Следуйте за Мной, следуйте за Мной». Она повторяет Его слова: «Кто хочет за Мной идти, отвергнись себя (то есть своей самости), возьми свой крест (то есть свое служение) и тогда за Мной иди». А можно идти против Него, возвращаясь назад. Это движение есть возврат, вечное повторение греха Адама, который хотел быть как Бог, а оказался только нагим и бессильным.

17 сентября 1989 г.

Духовные искания Азии

В прошлый раз мы останавливались на проблеме зарождения религиозного сознания и его первоначальных форм. Эта тема очень важная, она непосредственно связана с самыми корнями всей мировой культуры. Мы отметили особенности первобытного религиозного сознания, которое было ориентировано в какой-то степени на статическую модель мира, согласно которой мир как целое подчиняется определенным законам, связан взаимоотношением различных сил, существ, одухотворенных стихий и управляется некими установленными правилами, соединяющими эти силы между собой, а в человеческом обществе подчиняется законам магии. Таким образом, магическое мирозерцание явилось как бы прототипом научных представлений о взаимосвязи вещей и о возможности для человека влиять на ход событий. Тем самым между магией и религией возникла дистанция, которая постепенно увеличивалась, но в то же время никогда не становилась достаточно большой.

Магия всегда паразитировала на религиозном сознании. То высшее благоговение, которое испытывал человек перед вечностью, как бы он ее ни осознавал, то, что было и остается главным импульсом религиозности человека, оплеталось магией, подобно тому, как деревья иногда оплетаются растениями-паразитами. По своей интенции магия противоположна религии и духовно, и мистически, и психологически, потому что маг утверждал свою волю. Он стремился к тому, чтобы человеческая воля в конце концов подчинила, покорила себе все стихийные и божественные начала, чтобы все – и духи, и демоны, и божества – служили человеку.

Но вот мы вступаем в иную эпоху. Пантеистическое чувство, магическое упорство человека в достижении своих целей, грубые суеверия, а также ощущения и представления о запредельном высшем Начале – весь этот конгломерат составлял многоликую, разнообразную, многоцветную картину первобытного мирозерцания. И на этом фундаменте возникли древнейшие цивилизации, которым мы обязаны письменностью, элементами техники, астрономии, математики, зодчества – всего того, что было создано в плодородном полумесяце древнего Ближнего Востока – между Тигром, Евфратом и Нилом, в восточном Средиземноморье. Все это и сегодня является корнем нашей цивилизации.

Но мы находим в этом культурном и духовном регионе несколько направлений и течений. Одно направление стремится в конце концов найти некую монистическую модель. Имеются явные доказательства, уже письменные (письменность родилась именно в этих древних цивилизациях), того, что монотеизм, единобожие, начинает здесь брезжить, как некие первые предрассветные лучи, но никогда не достигает своей окончательной и полной формы.

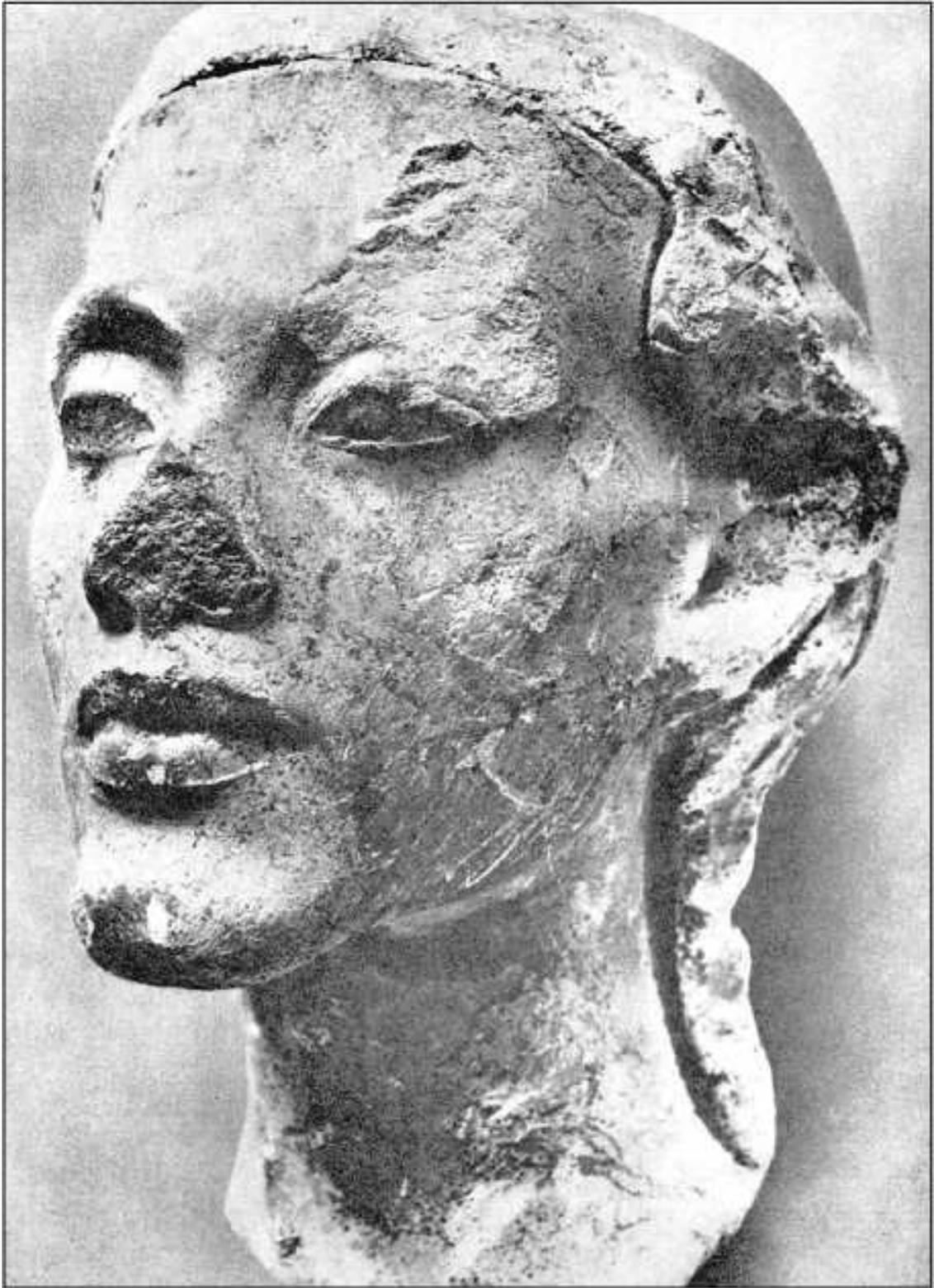
Семья Эхнатона. Рельеф из Амарны. Первая четверть XIV в. до Р. Х.

Одной из самых ярких страниц в духовной истории движения к монотеизму является попытка реформы фараона Аменхотепа IV, который называл себя Эхнатомом, в XIV в. до Р. Х. (Вы все, вероятно, хорошо знаете это имя или, по крайней мере, имя его жены Нефертити, образ которой, изваянный скульптором Тутмесом, является общепризнанным шедевром мирового искусства.) Этот фараон провозгласил веру в единое божественное Солнце.

Голова царицы Нефертити. XIV в. до Р. Х.

Конечно, не надо думать, что древние египтяне были чужды астрономическим понятиям. Они первые на Древнем Востоке вместе с вавилонянами установили основные принципы наблюдения за светилами. Для Эхнатона, насколько мы можем судить по достаточно скудным письменным памятникам, вечный глаз Солнца, который поднимался над горизонтом и потом скрывался где-то в темноте, обозначал высшее единое Божество.

Голова фараона Эхнатона. XIV в. до Р. Х.

Волей фараона начинают истребляться человекоподобные и звероподобные фигуры богов, ликвидируется древняя система, в которой каждая область Египта и каждый ном имели свою систему божеств. Над всем царствует единый Атон (или Итон, как его транскрибирует известный египтолог Ю. Перепелкин). На одной гробнице начертан гимн в честь Атона. Этот гимн поразительно перекликается с некоторыми библейскими псалмами. Это картина природы, которая животворится единой благой волей Божества, изображаемого не с человеческим или звериным лицом, а в виде солнечного диска с лучами, которые завершаются благословляющими руками.

Попытка такого рода была религиозной реформацией, религиозной революцией сверху. Народ не мог принять этой достаточно отвлеченной доктрины. Местные культы и местная магия, необычайно сильные в Египте, оказали мощное сопротивление Эхнатону, так что в конце своего семнадцатилетнего царствования Эхнатон вынужден был применять суровые меры против жрецов древних богов. Едва он умер, началась бурная реакция, и все вернулось на круги своя. Новая столица фараона Ахетатон (небосклон Атона) была заброшена. Вся знать во главе с юным преемником Эхнатона переехала обратно в Фивы. Все стало как прежде.

Впрочем, как установили историки, эта революция не прошла даром, и впоследствии в кругах египетского жречества мы видим упорную тенденцию к постижению Единого Бога. Эта тенденция, конечно, глубоко не затронула народ, но она отражена в многочисленных памятниках литературы.

Наряду с такими попытками идет волна глубокого кризиса, неприятие этого статического мирозерцания. Кризис нашел отражение в знаменитом вавилонском диалоге между рабом и господином. Господин отдает рабу приказание, и тот с готовностью его выполняет; потом господин полностью меняет свое решение, и тот его тоже выполняет; в конце концов господин спрашивает: что же тогда хорошо на свете, если всякое движение в конечном итоге, как мы говорим теперь, амбивалентно. Раб отвечает: «Сломать твою и мою шею и бросить в реку, потому что нет ни добра, ни зла». Есть немало памятников того времени, показывающих, насколько человеку было трудно примириться с тем, что мир – это некая машина, где царствуют неведомые существа, причем неизвестно, добрые они или злые. Для Вавилона, который не имел представления о бессмертии души в нашем, христианском, смысле слова, и для которого смерть означала переход души в область мрака, в царство преисподней, – все казалось безысходным и мрачным. Все знакомы, хотя бы по школьным или институтским учебникам, со знаменитым эпосом о Гильгамеше. Человек этот идет искать бессмертия, ищет его и не находит, и в конце концов после своих многочисленных приключений возвращается домой, смотрит на стены города и пытается успокоить себя невеселым утешением: вот люди строили, и это стоит, после нас останется память. Но совсем не этого он искал и не для этого отправился на край света.

Известный русский философ Вл. Соловьев говорил, что два желания, как два крыла, поднимают человеческую душу и историю: это желание правды и желание бессмертия. И то, и другое мы уже находим в тенденциях древневавилонской и египетской религии. Правда как некий высший закон была предметом размышлений жрецов. Но настоящего развития эти религиозные понятия не получили.

И только позже, примерно с VIII в. до Р. Х., в мире происходит некое таинственное превращение, преобразование, вхождение нового. Известный современный философ и историк Карл Ясперс (ум. в 1965 г.) называл этот период «осевым временем», потому что ось культуры до сих пор именно в этой эпохе: тогда были созданы крупнейшие религиозные и философские учения, на которых сегодня стоит многомиллионный мир буддизма и индуизма. Современные философские доктрины опираются на античную традицию. Тогда же появляется иранский дуализм, который оказал огромное воздействие на всю средневековую мысль, в частности через манихейство. Тогда же возникли классические китайские доктрины – конфуцианство, даосизм

и другие. Тогда проповедовали библейские пророки. То есть почти весь цивилизованный мир оказался захваченным каким-то особым движением; я бы назвал его движением к Абсолюту.

В этом движении пробудилось исключительное свойство человека, тайна его существа. Человек здесь искал вовсе не того, что было необходимо для его обычной земной жизни. Это звучал голос духа, глубочайшая потребность в высшей истине, в конечной ориентации – потребность найти связь между временным, условным и абсолютным, безусловным.

Мы знаем, что в истории человеческого общества многие движения и силы были направлены на приспособление отдельных групп, этносов, империй к существованию, к отстаиванию своей идентичности, независимости, к защите от врагов, к борьбе с окружающей природой. Но для этого не нужен был взгляд человека в Небо, для этого не нужны были ни Будда, ни Сократ, ни Лао-цзы. Однако они появились. Они появились, так сказать, не стовариваясь, ибо только сейчас существует такая связь между народами и культурами, которая позволяет в течение нескольких мгновений передать информацию на другой материк. Тогда информация проходила долгими и сложными путями. Тем более загадочным остается до сих пор феномен «осевого времени». Я думаю, что каждый человек, религиозен он или нет, должен иметь хотя бы самое общее представление об этом времени и о силах, идеалах и основах духовности и культуры, созданных тогда. Я очень кратко остановлюсь на том, что дал в этом отношении Восток, преимущественно Дальний Восток, то есть индийско-китайский регион.

В VI–V вв. до Р. Х. жил странствующий мудрец Кун-цзы (латинизированная форма – Конфуций). В это время Китай был разделен на княжества, в стране – междоусобицы, гражданские войны, старая система порядка разрушена. Конфуций ищет того, что всегда искали люди на земле: как устроить человеческую жизнь, чтобы она была естественной и нормальной. И ему кажется, что в глубине прошлого, в традициях лежит то счастливое время, когда человек жил по велениям *тянь*, Неба. Именно тогда человек проявлял свою человечность, гуманность – *жэнь* — и реализовывал ее в виде определенных, устойчивых *ли*. Это слово переводят обычно как «церемонии», но это нечто более глубокое, это структура человеческих взаимоотношений.

Конфуций смотрит назад, во время, которое он, естественно, мифологизирует. В любую эпоху мы находим подобные попытки считать прошлое идеальным временем. Но чем интересен Конфуций? Он ищет корни не в Небе, а именно в рациональном, чисто человеческом, в том, что может быть выражено через ритуал, через порядок, через строй. Он называл свое учение «возвращением имен». Он говорил, что если кто-то называется сыном или правителем, то он должен быть сыном или правителем и отсюда вытекают определенные обязанности. Надо вернуть все на свои места, и тогда будет структурно законченное общество. Он считал это осуществимым, все время пытался найти среди князей и правителей какого-нибудь мецената, который позволил бы ему довести до конца его эксперимент. Но это не удалось. У него были ученики, были последователи даже среди власть имущих, но в целом они не хотели слушать своего советчика, и он остался странствующим учителем.

Вольтер и многие другие просветители и рационалисты XVII–XVIII вв. восхищались Конфуцием. Им казалось, что такое рациональное обоснование общественной жизни прекрасно. Но как оно не удалось Конфуцию, так не удалось и последующим поколениям. Оказалось, что человеку недостаточно просто оформить обычаи и традиции, ввести все в разумную усредненную рационализированную норму, чтобы наступило счастье. Конфуций ориентировался на традиционный социальный идеал.

Его современник Лао-цзы – легендарный человек, и некоторые авторы даже сомневаются, был ли он историческим лицом. Лао-цзы ориентируется на природу как целое. Его главное понятие – *дао*. Это очень сложное, многоплановое понятие. *Дао* — это целое, это путь бытия. Человек не должен действовать так, как учил Конфуций, не должен вырабатывать какие-то условности, какие-то порядки. Надо отказаться от искусственного. Идеалом философа было *увэй* («недеяние»). Живите просто и ясно, как природа, отбросьте предрассудки, обычаи, загля-

ните внутрь себя, и вы найдете то естественное и высшее *дао*, которому нет названия. Он говорил: «*Дао*, которое имеет имя, уже не есть вечное *дао*».

Но ориентация на природу была недостаточно глубока, потому что в природе как раз не было главного – не было нравственного начала. Человек не может из природы почерпнуть импульс для этики. И поэтому, несмотря на великолепные достижения (особенно в писаниях философа Чжуан-цзы, которого многие считают настоящим основателем этого учения), даосизм, развивавшийся в элитарном кругу и повлиявший на китайское искусство, на понимание природы, постепенно стал вырождаться в систему магических заклятий, в странный аскетизм. Согласно легендам, даосские мудрецы сидели неподвижно целыми часами, а то и днями, так что на них даже вырастала трава; они уподоблялись части природы, как камни. Вероятно, такой образ освобожденного человека был для многих привлекателен, но это освобождение совершалось за счет утраты самого главного, человеческого: личность растворялась, терялась.

Статуя Будды из Гандхары

Китай, создавший по-своему замечательную философию даосизма, легко воспринял концепцию буддизма и разработал новые формы буддийского мирозерцания. Удивительно, что в совершенно разных регионах – в Китае и в Индии – мы встречаем общее. Когда Индия всматривается в бытие, она находит там вечное Божественное начало. Это Брахман, то, что тоже, как и дао, не может быть определено и названо. В Упанишадах, в частности в Брихадараньяка-упанишаде, говорится, что Брахман – «не то и не то», и о нем не может быть сказано никакого человеческого слова. Брахман как бы выдыхает из себя Вселенную; подобно пауку, который из себя рождает паутину, он, вечный Абсолют, рождает мир. А что же такое мир? Это что-то призрачное, что-то неустойчивое, даже что-то ненужное и недолжное, потому что, падая вниз из вечного бытия в обычное бытие, мир становится множественным и несовершенным.

Духовные существа, то есть люди, но и боги тоже, – все подчинены неким законам превращения. Умирая, человек попадает в иное тело, потом – снова в иное тело. Неизменный круговорот возвращает все вновь в безмолвную бездну Абсолютного. Индийские брахманы думали, что для того чтобы раньше вырваться из этого круга, не ожидая, пока пройдет томительная вереница перевоплощений, необходимо подавить в себе все плотское. Отсюда – безудержный эксцентрический аскетизм брахманистской традиции. Он достигал иногда гротескных форм.

Итак, мир не имеет ценности. Жизнь не имеет ценности. Материя не имеет ценности. Все это полупризрак, полувидение. Мир – это тяжелый сон, почти кошмар, который снится вечному сознанию. И счастье, когда оно пробудится и все это исчезнет как дым.

Усилия брахманизма прийти к познанию единого Начала через полное отрешение, через полный отрыв от материального завершились значительно позднее в различных формах йоги. Йога выработала на протяжении многих столетий определенные методы концентрации, сосредоточенности, медитации, целью которых было только одно: освободить человека от бремени материального. Я имею в виду не ту модифицированную современную йогу, в которую уже вошли элементы европейского, даже христианского обучения, не ту интегральную Веданту, которую проповедует Ауробиндо Гхош, а ту, которая была задолго до Рождества Христова; ее принципы во II в. до Р. Х. сформулировал Патанджали.

Статуя Будды в Таксиле

Патанджали уже не помнит о высшем Начале; боги для него лишь участники этой драмы; для него важно не приобщение к высшему, а освобождение, только освобождение как самоцель. Понятие *мокши*, то есть спасения, становится понятием чисто негативным. Дух освобождается сначала от этического несовершенства, потом исчезает зависимость от физических сил. Он все дальше и дальше уходит от человечности, пока практически уже в этой жизни не развоплощается, не становится чистым. Он витает в одиноком своем освобождении, познав самого себя и одновременно потеряв самого себя. Личности нет, все растворено в молчании. Каждый из вас, если задумается, легко поймет, какой глубокий соблазн кроется в этом пути, потому

что в нашей жизни, исполненной драм и трагедий, он обещает забвение, покой, тишину. Обещает то, чего человек так хочет. И действительно, всевозможными способами и средствами индийские традиции этого достигали, разумеется, в узком социальном поле. Но какой ценой?

Параллельно с йогой развивалась иная традиция, которая потом покинула пределы Индии и пошла завоевывать другие страны, включая и часть нашего отечества. Я имею в виду буддизм.

Будда был современником Конфуция, он происходил из семьи раджи и, согласно легенде (неизвестно, насколько она достоверна), в юности, потрясенный зрелищем человеческих болезней, страданий и смерти, решил уйти в лес, чтобы путем самоистязаний победить в себе плоть и стать полностью свободным от бесконечной череды перевоплощений. Многие годы пытается он превзойти прославленных аскетов и в конце концов приходит к неожиданному внутреннему озарению: он отмечает все крайности аскезы и ищет просветления на пути полного угашения трепета жизни в человеке. И когда он этого достиг, то провозгласил, что есть спасение, что оно найдено. Поэтому он стал называть себя *Татхагатой*, Совершенным.

Будда не собирался основывать новую религию, тем более мировую. Он лишь основал небольшую монашескую общину. Он явился к отшельникам и сказал: «Монахи, путь спасения найден». Мир находится в страдании, это первое; второе, мир страдает потому, что он жаждет жить. Жажда жизни – *тришна* – это и есть причина страдания. Значит, причина найдена. И, наконец, найдено средство избавления: надо погасить в себе жажду и волю к жизни. Будда не требовал, чтобы человек предпринимал для этого какие-то сверхъестественные усилия, истязал себя. Необходимо только освобождение от всего, что может его связывать: от уз родства, от семьи и брака, от любви, от всевозможных почестей, богатства.

Образуются община нищих монахов; они живут подаянием, проводят жизнь в лесах, на дорогах, ночуют под открытым небом. В одном из древних буддийских гимнов говорится: когда дождь барабанит по крыше, кричат слоны, а монах сидит в пещере и размышляет – что может быть прекраснее? Действительно, они достигали высшего наслаждения в этом отъединении и называли состояние полного отрешения от всего *нирваной*. Нирвана – это угасание в человеке жажды жизни. Будда верил и утверждал, что это угасание остановит роковой поток перевоплощений, который казался страшным, тягостным, бесконечным.

Многие ученые, особенно исследователи XIX в., полагали, что буддийская доктрина преимущественно нравственно-аскетическая, но исследования особой части буддийского наследия, *Абхидхарма-питаки*, показали, что там была и своя метафизика. Мы не знаем сегодня, насколько она восходит к самому Гаутаме Будде, но она достаточно древняя. (У нас нет ни одной биографии Будды, которая была бы написана его современниками. Все, что у нас есть, – это легенды, созданные через столетия после его смерти.)

Так вот, мировоззрение Будды строилось на предположении о том, что извечно в мире бушуют и волнуются некоторые первоэлементы, изначальные *дхармы*. Бесконечный покой Абсолюта, который Будда называл *нирваной*, нарушается вибрацией дхарм, и они создают весь временный преходящий мир, те иллюзорные единицы, которые мы называем личностями. На самом деле это нечто созданное из элементов, призрачное, составное – и все распадается. Стремление погасить в себе жажду жизни и есть прямой путь к тому состоянию бытия, когда не было волнения дхарм. Будда никогда не объясняет, почему оно возникло и возникло ли оно изначально или в какой-нибудь определенный момент мировой истории.

Для того чтобы прийти к этой освобожденное™, буддизм проповедует высокую, достойную мораль: миролюбие, нестяжание, сочувствие людям. Ведь все люди – товарищи по несчастью, все люди попали в этот ужасный мир как заключенные, из него надо выбраться, а выбраться можно, только, так сказать, перестав быть людьми, перестав вообще быть живыми существами, отдалившись от всего, что создано вибрациями дхарм, и погрузившись в это состояние. И Будда, как он утверждает, согласно некоторым древним текстам, это состояние

пережил. Согласно тем же текстам, дух зла, *Мара*, пытался увести его в нирвану и говорил: «Войди в нирвану, о Совершенный». Но Будда не согласился: он хотел из сострадания к людям открыть им секрет свободы.

Повторяю, все это очень привлекательно и соблазнительно, особенно для усталых душ, особенно в кризисные эпохи, особенно когда мы ощущаем тяжесть своих страстей, своей плотскости, своей телесности, своей обусловленности. Да, покой, нирвана. Но, разумеется, в народные массы учение буддизма вошло в ином облике. Главное, что привлекало, – это разрушение кастовых перегородок, высокое этическое учение. Будда проповедовал долго, умер глубоким старцем, его последние слова, согласно *Маха-париниббана-сутте*, были: «Монахи, все составное распадается, пекитесь об освобождении, о своем спасении».

Таковы были в самых общих чертах взгляды, выработанные в индийско-китайском регионе. В них была огромная ценность, потому что человек впервые отчетливо осознал, что последняя реальность должна быть найдена (вернее, она должна быть искома) не в осязаемой природе, не в материальном мире, а в мире, который родственен глубинам его духа. Мистическая интроверсия, самоуглубление стало каналом, руслом, по которому шло познание реальности. Поэтому индийский опыт был опытом глубоко духовным. Здесь дух противопоставил себя природе. В противоположность натурализму и магизму он заявил о себе как о бесконечно ценной реальности.

Но в противостоянии натуралистического магизма и этого сверхспиритуализма проблема для человечества не разрешалась. Как бы ни был чудесен и привлекателен этот духовный опыт, он все-таки угрожал человеку как таковому, он все-таки отвергал жизнь, а человечество никогда не может пойти на это. На это могут идти отдельные люди или группы людей. Для буддизма идеалом было монашество, безбрачие. И если бы все люди приняли буддизм, человечество прекратило бы свое существование. Кроме того, для рядового человека, который не мог сидеть сутками в лесу, в пещере, проблема должна была решаться как-то иначе. Для него философское понятие об Абсолюте, о высшем Начале было холодным, далеким, безличным. (Кстати, оно таковым и было.) А человек ведь личностное существо, он даже мир воспринимает как некое личностное начало. И этот холодный Абсолют был ему далек и чужд. Примечательно, что в Индии среди множества храмов только два посвящены Брахману. Абсолют даже и почитания не вызывает.

И вот тогда, за несколько веков до Рождества Христова, рождается кришнаизм. Точной даты жизни Кришны-Васудевы мы не знаем. Легенды, которые созданы вокруг него, даже не дают нам возможности выяснить, существовал ли реально этот проповедник или это только миф, ведь Кришна – имя древнего доарийского бога южных народов Индии. Чем же привлекал кришнаизм? Он привлекал тем, что открыл в вечном, бесконечном, Божественном личностное измерение и провозгласил, что самое важное для человека – относиться с благоговением к Высшему, *бхакти*. Он провозгласил также, что безличный Абсолют становится личным, приближаясь к человеку и стремясь ему помочь.

Апофеозом кришнаизма в древности, лучшим и величайшим его священным памятником является Бхагавад-гита. Время ее создания точно не известно. Бхагавад-гита – это часть гигантского эпоса Махабхараты, в котором повествуется о борьбе между двумя древнеиндийскими кланами. В Бхагавад-гите сходятся в сражении две армии. Царевич Арджуна видит, что против него идут врагами его родственники и братья, и он в глубочайшем смятении готов вложить меч в ножны. Но рядом с ним его друг, помощник и возница, это не кто иной как Кришна, который стал здесь, рядом с ним, в виде человека. Арджуна спрашивает у него, что ему делать. Кришна отвечает: иди и сражайся. Кришна раскрывает Арджуне тайны мира, жизни и Бога. Он говорит о том, что неважно, какие формы принимает религия – это всегда обращение к Высшему. Какому бы образу ни поклонялись, поклоняются ему, Кришне.

Весь сюжет Бхагавад-гиты и есть беседа между Арджуной и Кришной, который учит царевича, что единое высшее Начало помогает человеку, приходит в мир в виде *аватары*, или воплощения. Но Арджуна говорит: покажись мне, покажи свое лицо, яви мне себя! И в это мгновение возница меняется, он превращается в огромного сторукого сверкающего гиганта. Между зубами этого чудовища Арджуна видит трупы. Кришна предстает как всепожирающее время, как огромный дракон, сверкающий ярче тысячи солнц. Этот образ пришел на ум Оппенгеймеру, когда он впервые увидел на испытаниях взрыв атомной бомбы. Ярче тысячи солнц сверкал этот чудовищный и пугающий образ. А потом Кришна снова принял человеческий облик.

Здесь сокрыта глубокая мысль: что Божественное тождественно природе, что природа – нечто огромное, пожирающее, внеэтичное – она-то и есть божество, которое страдает человеку, она неотделима от духовного. В конце концов, все перемешано, все судьбы не имеют значения, все исчезнет в едином духовном, все обнимает Абсолют: убиваешь – убивай, не убиваешь – тоже неважно. Все в конце концов разрешается на сверхчеловеческом уровне. Поэтому прекрасные этические заповеди Бхагавад-гиты оказываются лишенными настоящего внутреннего корня, потому что действия человека в этом полупризрачном мире теряют свое значение и направленность.

Вот почему эти высоты духа и философии, выраженные в гениальных великолепных поэмах, в метафизических трактатах и афоризмах, не стали для человечества единой светлой истиной. И не потому, что они ложны. Вл. Соловьев когда-то ввел понятие «отвлеченных начал». Он говорил о том, что различные принципы могут действовать ложно лишь по одной причине: они берут действительность только фрагментарно, они берут какую-то одну ее сторону и поэтому становятся отвлеченными началами.

Путь к истине должен быть путем к целокупной истине. Поэтому, с христианской точки зрения, достижения мистики Востока реальны и ценны, но в то же время из-за односторонности этой истины, из-за того, что она обходит и оставляет в стороне жизнь, личность человека, материю, плоть, историю (а история здесь полностью отсутствует, потому что никакого движения нет, все вращается по кругу), в восточных учениях – огромные пробелы, остающиеся и поныне. Тем не менее ступень эта была важной, и в иерархии ценностей мировой культуры она занимает свое место. Надо не презирать эти взгляды, не унижать их с позиций европейских, современных, с позиций христианских, а понять, что здесь человеческое мышление, человеческий дух, мистическое погружение в реальность достигли определенного уровня, который впоследствии будет превзойден тем, что новые измерения войдут в человеческое мышление.

Подобный взгляд дает нам возможность рассматривать историю человеческого духа не как историю сплошных заблуждений или истин, а как историю поисков, нахождения, движения дальше с помощью разума, мистического проникновения, коллективных усилий всего человеческого духа. Дальнейшей ступенью мы можем назвать античную мысль, на которой я сегодня останавливаться не буду, потому что это должно быть предметом отдельного разговора.

Дата неизвестна

Духовная революция на Востоке. Китай

Хотя мы уже неоднократно забирались в далекое прошлое, я каждый раз старался вам напомнить, что речь идет совсем не о каких-то отживших, умерших, архаичных идеях. Пусть формы иногда не совпадают с привычными для нас, пусть иногда они носят несколько экзотический характер, однако вечные вопросы всюду остаются вечными. За два с лишним столетия до нашей эры китайский император Цинь Шихуанди приказал сжечь все книги, кроме руководств по сельскому хозяйству, и закопать живьем в землю всех учителей конфуцианства. С одной стороны, эта мера нам кажется чудовищной, злодейской, а с другой, мы чувствуем в этом что-то родное, что-то до боли знакомое, и не только по известным вам аналогиям, а даже по современной истории Китая. Совсем недавно Конфуций был объявлен маоистским правительством врагом номер один или номер два; он обзывался в прессе самыми оскорбительными словами, газета «Жэньминь Жи-бао» называла его старикашкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.